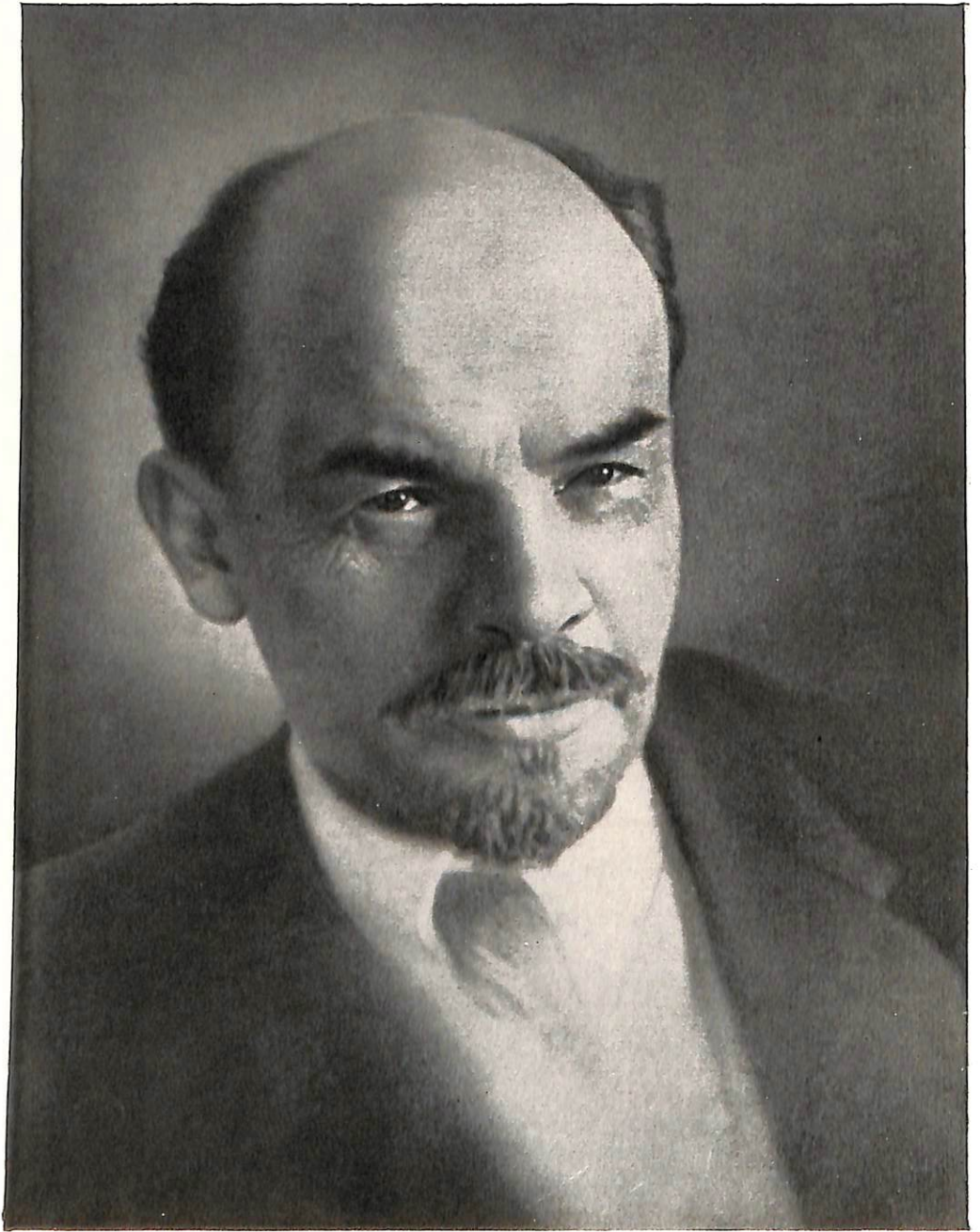

В. И. ЛЕНИН И ЗАКОНЫ ИСТОРИИ

Все передовое человечество отмечает столетие со дня рождения В. И. Ленина — величайшего ученого в революции и революционера в науке. Вся жизнь и деятельность великого вождя пролетариата — образец служения делу социалистической революции и строительства нового коммунистического общества. На экстренном пленуме, созванном в связи с кончиной В. И. Ленина, Центральный Комитет нашей партии так характеризовал его деятельность, его облик: «Никогда еще после Маркса история великого освободительного движения пролетариата не выдвигала такой гигантской фигуры как наш покойный вождь, учитель, друг. Все, что есть в пролетариате поистине великого и героического — бесстрашный ум, железная, негибаемая, упорная, все преодолевающая воля, священная ненависть, ненависть до смерти к рабству и угнетению, революционная страсть, которая двигает горами, безграничная вера в творческие силы масс, громадный организационный гений, — все это нашло свое великодушное воплощение в Ленине, имя которого стало символом нового мира от запада до востока, от юга до севера» («Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1, ГИПЛ, 1954, стр. 804—805).

В. И. Ленин — величайший теоретик и практик мирового социалистического движения. Он создатель партии нового типа, партии большевиков, он вождь всемирно-исторического революционного переворота в Октябре 1917 года, он основатель и признанный руководитель Советского государства — первого в мире государства рабочих и крестьян.

Замечательно то, что огромная практическая, организационная работа, которую вел В. И. Ленин как глава государства и вождь партии, всегда неразрывно сочеталась с не менее грандиозной работой и в области теории, с творческим ее развитием. Ленинское теоретическое наследие поистине неисчерпаемо и многообразно: оно включает в себя освещение актуальных проблем истории человеческого общества начиная с древнейших времен и кончая насущными задачами нашей современности и даже будущего.

Вот почему ленинское теоретическое наследие, дальнейшая разработка марксистского учения об обществе имеет и для нас, историков, совершенного неограниченного значения. На базе этого учения строится наша методология исторического исследования, методология, опирающаяся на понимание законов общественного развития, законов истории. Она служит нам мощным и, вместе с тем, тонким орудием — равно пригодным как для историка новейшего времени, так и для историка древности, — но она же требует для своего применения соблюдения определенных условий. Эти условия прекрасно сформулированы в Тезисах ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Там сказано: «Приме-

нительно к новым историческим условиям Ленин развил и приумножил теоретическое наследие своих великих учителей. Он энергично боролся с попытками превратить учение Маркса — Энгельса в окостенелую, мертвую догму. „Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное, — писал он, — мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни“ (Полн. собр. соч., т. 4, стр. 184). В творческом развитии марксизма Ленин видел необходимое условие действительности революционного учения, ключ к теоретическому и практическому решению назревших задач рабочего класса, важнейшее средство борьбы против правого и „левого“ оппортунизма, догматизма и ревизионизма всех мастей».

Каковы же те законы истории — хотя бы только основные, — которые были в свое время открыты Марксом и Энгельсом, затем творчески развиты Лениным в применении к новым условиям, к новой исторической обстановке?

Прежде всего — определение самого понятия закона в истории общества. Это понятие у В. И. Ленина связано с критерием повторяемости. Применение же подобного критерия к истории стало впервые возможным лишь с тех пор как производственные отношения были выделены в качестве «структуры общества», что, собственно говоря, и дало «возможность применить к этим отношениям тот общенаучный критерий повторяемости, применимость которого к социологии отрицали субъективисты» (Полн. собр. соч., т. 1, стр. 137).

Не менее существенна для характеристики закона правильно понятая связь «общего» и «единичного», умение из многообразия исторической действительности выделить нечто «обобщенное», ибо только такое обобщение и дает «возможность перейти от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений к строго научному анализу их, выделяющему, скажем для примера, то, что отличает одну капиталистическую страну от другой, и исследующему то, что обще всем им» (Полн. собр. соч., т. 1, стр. 137).

Уже из всего вышесказанного становится очевидно, что понятие закона, закономерностей в истории было для Ленина чрезвычайно широким, гибким и отнюдь не догматическим понятием. Конспектируя труд Гегеля «Наука логики», Ленин писал: «Закон берет спокойное — и потому закон, всякий закон, узок, неполон, приближителен» (Полн. собр. соч., т. 29, стр. 136). Несколько ниже он подчеркивал, что «закон есть отражение существенного в движении универсума» и потому «явление *богаче* закона» (там же, стр. 137). И, наконец, вскрывая фальсификации и подтасовки Каутского в вопросе о пролетарской революции, Ленин указывал, что нет таких исторических законов, касающихся революции, которые не знали бы исключения. «Такие законы имеют в виду лишь типичное, то, что Маркс однажды назвал „идеальным“ в смысле среднего, нормального, типичного капитализма» (Полн. собр. соч., т. 37, стр. 247).

Ленинское понимание законов развития общества зиждется на одном из основных критериев, отличающих материалистическое отношение к истории от идеалистического, — на признании независимости общественного бытия от воли и сознания людей. Но это, в свою очередь, предполагает признание детерминированности исторических явлений, т. е. детерминированности самой деятельности участников — как единичных, так и коллективных — исторического процесса. Однако детерминизм вовсе не исключает случайностей в истории, не исключает и свободы действий, выбора. Еще Маркс говорил о том, что без «случайностей» история носила бы очень мистический характер (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 33,

стр. 175), а В. И. Ленин в одной из своих ранних работ писал: «Детерминизм не только не предполагает фатализма, а, напротив, именно и дает почву для разумного действований» (Полн. собр. соч., т. 1, стр. 440).

Как известно, в свое время Лаплас, считая, что траектория материальных частиц (подчиняющихся уравнениям классической механики) однозначно определяется их начальными положениями и скоростями, приходил к фаталистическому выводу, что все будущее мироздания полностью «запрограммировано». Примерно в таком же подходе и отношении к проблемам развития общества обвиняют историков-марксистов их идейные противники, буржуазные социологи. Однако, как мы только что могли убедиться, подобные упреки совершенно несправедливы — марксисты признают и элемент случайности, и альтернативность, и свободу действий в истории. Но марксисты считают, что нельзя решать вопрос о соотношении «свободы» и «необходимости» отвлеченно, к тому же рассматривая явления (или взаимоотношения) только одного уровня. В такой сложной и «многоплановой» системе, как человеческое общество, часто то, что на одном уровне выступает как «игра случая», на другом — может оказаться исторической необходимостью. Таким образом, и самая случайность оказывается подчиненной другим, более глубоким (или — более «высоким»), но до поры и до времени еще неизвестным, скрытым законам (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 305—306).

Самое первое требование, которое Ленин выдвигал в качестве необходимого условия для изучения общественных явлений, общественной жизни, — это требование историзма. В своей работе «О праве наций на самоопределение» он писал: «Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в *определенные* исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране..., учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи» (Полн. собр. соч., т. 25, стр. 263—264). В знаменитой лекции «О государстве» снова подчеркивается и развивается та же мысль: «Самое надежное в вопросе общественной науки... это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» (Полн. собр. соч., т. 39, стр. 67). И, наконец, нам известно краткое, конспективное, но чрезвычайно важное указание Ленина о том, что «весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории» (Полн. собр. соч., т. 49, стр. 329).

Сам В. И. Ленин в своих трудах, и в частности при рассмотрении и анализе законов общественного развития, дает блестящие образцы именно исторического подхода, историзма. Так, например, всякий раз, когда идет речь об основном, краеугольном понятии марксистской теории — о понятии общественно-экономической формации, он настоятельно подчеркивает, что «развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс» (Полн. собр. соч., т. 1, стр. 139) и что экономические законы, определяющие возникновение и смену формаций, вовсе не одинаковы «и для прошедшего и для настоящего», но, «напротив, каждый исторический период имеет свои собственные законы» (Полн. собр. соч., т. 1, стр. 167).

О чрезвычайно остром чувстве историзма, свойственном В. И. Ленину, свидетельствует и его интерес к проблемам научной периодизации мировой истории. Неоднократно применяя в своих трудах понятие «историче-

ская эпоха», В. И. Ленин дал ему развернутое научное определение. Это понятие отнюдь не противопоставляется учению об общественно-экономических формациях, но служит для относительно более частной и конкретной периодизации истории. И в этом случае В. И. Ленин также требует последовательного применения принципов историзма и системности для выявления главных, характерных признаков, которые позволяют видеть в рассматриваемой эпохе не новую формацию, а этап развития старой. Понятие «эпоха», подчеркивал В. И. Ленин, включает множество различных явлений. «Эпоха потому и называется эпохой, что она обнимает сумму разнообразных явлений и войн, как типичных, так и нетипичных, как больших, так и малых, как свойственных передовым, так и свойственных отсталым странам» (Полн. собр. соч., т. 30, стр. 86—87).

В своей работе «Под чужим флагом» В. И. Ленин писал: «В каждой эпохе бывают и будут отдельные частичные движения то вперед, то назад, бывают и будут различные отклонения от среднего типа и от среднего темпа движений. Мы не можем знать, с какой быстротой и с каким успехом разовьются отдельные исторические движения данной эпохи. Но мы можем знать и мы знаем, *какой класс* стоит в центре той или иной эпохи, определяя главное ее содержание, главное направление ее развития, главные особенности исторической обстановки данной эпохи и т. д. ...; и только знание основных черт данной эпохи может послужить базой для учета более детальных особенностей той или иной страны» (Полн. собр. соч., т. 26, стр. 142). В. И. Ленин указывал также, что «разумеется, грани здесь, как и все вообще грани в природе и в обществе, условны и подвижны, относительно, а не абсолютны. И мы лишь примерно берем особенно выдающиеся и бросающиеся в глаза исторические события, как вехи больших исторических движений» (Полн. собр. соч., т. 26, стр. 143).

Эта сторона теоретической, исследовательской работы В. И. Ленина стала в последнее время предметом серьезного изучения в советской историографии. В работах советских историков раскрывается конкретное содержание понятия «историческая эпоха». «Историческая эпоха — это такой период в мировой истории, который характеризуется достаточно устойчивой тенденцией развития общества, определяемой соотношением и взаимодействием существующих социально-экономических формаций. Таким образом, естественные грани исторической эпохи определяются революционными изменениями в соотношении сил соседствующих и сталкивающихся социально-экономических формаций» (Е. М. Жуков, Ленин и понятие «эпоха» в мировой истории, сб. «Ленин и историческая наука», М., «Наука», 1968, стр. 37).

Не менее ярко и определенно исторический подход Ленина к решению кардинальных вопросов материалистического учения об обществе проявляется в теоретическом осмыслении проблемы классов и классовой борьбы. Именно Ленину принадлежит общее, наиболее развернутое, ставшее поистине классическим определение понятия «класс» (Полн. собр. соч., т. 39, стр. 15). Оно — общеизвестно. Поэтому нас интересует в данном случае только одна сторона вопроса: отношение Ленина к классам и классовой борьбе как к исторической категории.

Не говоря уже о том, что Ленин вслед за Марксом и Энгельсом неоднократно подчеркивал, что классы не всегда существовали и не всегда будут существовать, признавая их, таким образом, явлением, которое может иметь место только при «исторически определенной системе общественного производства», он одновременно обращал особое внимание на специфику классовых отношений каждой формации. Так, говоря о социальной структуре античного (и феодального) общества, В. И. Ленин не раз указывал на то, что отличает ее от структуры общества капитали-

стического: на переплетение классового и сословного деления населения, на отсутствие «бессословных классов» (Полн. собр. соч., т. 2, стр. 476—477; т. 6, стр. 311, прим.).

Кроме того, Ленин, рассматривая историю классовой борьбы в ее развитии, ясно видел, что уровень, задачи и масштаб классовой борьбы в древности не могут идти ни в какое сравнение с размахом и напряжением классовых боев эпохи капитализма. Когда-то в советской историографии эти вопросы освещались без достаточного понимания особенностей разных эпох: рабам приписывалось сознательное стремление уничтожить рабство как систему, говорилось о союзе рабов с крестьянством, причем рабы рассматривались в качестве гегемона революционных движений и, наконец, переход от республики к империи в древнем Риме, как и конечная гибель Западной империи — все это объяснялось революцией рабов.

Как известно, подобные положения не находят себе опоры в фактическом материале и сейчас едва ли разделяются кем-либо из советских историков. В. И. Ленин с его острым чувством историзма, никогда не переоценивал зрелости и сознательности движений угнетенных масс в древности. Поэтому он в свое время писал: «Рабы, как мы знаем, восставали, устраивали бунты, открывали гражданские войны, но никогда не могли создать сознательного большинства, руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов» (Полн. собр. соч., т. 39, стр. 82).

В вопросе о государстве и, в частности, в вопросе о его формировании Ленин придерживался основных выводов Энгельса, изложенных в его знаменитой работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», в работе, которую В. И. Ленин, как известно, высоко ценил. И, действительно, принципиальные положения и выводы этого замечательного труда, хотя он и написан восемьдесят пять лет тому назад, не устарели и для нашего времени.

Ленин не раз и с большой настоятельностью подчеркивал, что «государство есть продукт и проявление непримиримости классовых противоречий» (Полн. собр. соч., т. 33, стр. 7). Для историков, интересующихся проблемой становления государства, чрезвычайно поучительна ленинская полемика с П. Струве. Ополчаясь против определения этого горе-теоретика, который утверждал, что государство, прежде всего, — организация порядка и что его основным признаком следует считать принудительную власть, Ленин выдвигал два кардинальных контраргумента: 1) государство отнюдь не «организация порядка», каковая могла существовать еще и в общине, но основной признак государства — следуя определению Энгельса — заключается в наличии публичной власти, отделенной от массы народа, и 2) «принудительная власть» тоже вовсе не «признак» государства, ибо она «есть во всяком человеческом общежитии, и в родовом устройстве, и в семье, но государства тут не было» (Полн. собр. соч., т. 1, стр. 438—439).

Оба возражения Ленина чрезвычайно важны и принципиальны, но, как нам представляется, они еще недостаточно учтены в советской историографии. В самом деле, эти замечания указывают на то, что в истории человеческого общества существовал такой — и, видимо, довольно длительный — период, когда наблюдалась уже некая «организация порядка», была налицо «принудительная власть» и даже определенная социальная дифференциация, но ни государства, ни четко сформировавшихся классов еще не было. Этот период чрезвычайно слабо изучен и охарактеризован в нашей историографии. Тем перспективнее может оказаться его изучение, поставленное на серьезную марксистскую основу.

Одним из наиболее актуальных вопросов, связанных с осмыслением законов общественного развития, следует, несомненно, считать проблему социальной революции. В частности, вопрос о социальной революции в древности представляет для нас, специалистов в этой области исторической науки, особый интерес, поскольку в нашей историографии он неоднократно обсуждался. Не все историки считают возможным распространять понятие «социальная революция» на некоторые, в особенности древние, периоды и эпохи истории, поскольку под социальной революцией подразумевается коренной переворот в жизни общества, качественный скачок в его развитии.

Не вдаваясь здесь в разбор аргументации разных точек зрения на эту проблему, мы все же считаем, что неоднократные высказывания основоположников исторического материализма поддерживают более широкую точку зрения.

Действительно, Маркс и Энгельс довольно часто применяли термин «социальная революция» к революционным событиям и движениям далекого прошлого. Иногда в этих случаях они говорили о «политической революции», но это лишь иной аспект того же самого термина, того же самого понятия. Так, например, Энгельс говорил о политических революциях Солона и Клисфена в Афинах или в эпоху Сервия Туллия в Риме, причем ставил эти «политические революции» в один ряд с Французской буржуазной революцией 1789 г. Уже одно это обстоятельство свидетельствует, что Маркс и Энгельс никогда не противопоставляли — как иногда пытаются это доказывать — понятия «социальной» и «политической» революций.

Более того, К. Маркс уже в ранний период своей деятельности писал: «Каждая революция разрушает *старое общество*, и постольку она *социальна*. Каждая революция низвергает *старую власть*, и постольку она имеет *политический* характер» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 448). Ф. Энгельсу принадлежат слова о том, что «всякая действительная революция есть социальная революция» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 541).

В работах В. И. Ленина речь идет обычно о революциях новейшего времени, но привлекает внимание обобщающий характер таких его замечаний, как, например: «Всякий политический переворот, если это не смена клика, есть социальная революция, — вопрос только в том, социальная революция *какого класса*» (Полн. собр. соч., т. 32, стр. 120). Таким образом, с теоретической точки зрения для историка-марксиста нет никаких оснований отрицать возможность социальной революции в древности или в средние века. Не следует искусственно «обеднять» историю революционной борьбы человечества, считая возможным и закономерным применение понятия «социальная революция» только по отношению к соответствующим событиям нового и новейшего времени.

И, наконец, характеризуя основные законы исторического развития, мы не можем не остановиться на понятии общественного прогресса. Это понятие входит составной частью в марксистскую концепцию истории человечества. Ф. Энгельс в свое время писал: «все общественные порядки, сменяющие друг друга в ходе истории, представляют собой лишь переходящие ступени бесконечного развития человеческого общества от низшей ступени к высшей» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 275). Однако это «бесконечное развитие» не следует представлять слишком упрощенно, т. е. в виде развития прямолинейного. Еще более ошибочным было бы представление о развитии как бесконечном повторении одних и тех же циклов; это значило бы отрицать прогресс в истории человечества.

Ошибочным взглядам и теориям противостоит глубоко научная и диалектическая идея В. И. Ленина о развитии по спирали.

В. И. Ленин так определял особый характер этого процесса: «Развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе („отрицание отрицания“), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии» (Полн. собр. соч., т. 26, стр. 55). Следовательно, отнюдь не «замкнутые циклы» и не «прямая линия», а сложное, не сводящееся только к движению вперед, но в конечном счете все же поступательное движение человеческого общества, человеческой истории, в котором сочетаются оба противоположных момента: цикл и прямая линия.

Поэтому и социалистическое будущее В. И. Ленин представлял себе в динамике и говорил, что нет ничего лживее, чем обычное представление буржуазных «теоретиков» о социализме как о чем-то мертвом, застывшем, раз навсегда данным (Полн. собр. соч., т. 33, стр. 99). Ленинское понимание социализма неукоснительно требовало активного к нему отношения. В. И. Ленин писал: «Все дело в том, чтобы не довольствоваться тем уменьем, которое выработал в нас прежний наш опыт, а идти *непрерывно дальше*, добиваться *непрерывно большего*, переходить непрерывно от более легких задач к более трудным. Без этого никакой прогресс вообще невозможен, невозможен и прогресс в социалистическом строительстве» (Полн. собр. соч., т. 37, стр. 196).

Строительство социализма, строительство коммунизма В. И. Ленин всегда рассматривал как комплексную задачу, в которой решение экономических и социально-политических проблем органически связано с идеологической работой партии. В Тезисах ЦК КПСС особо подчеркивается, что формирование коммунистического мировоззрения происходит в обстановке острейшей идеологической борьбы на международной арене.

В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на совместном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР 21 апреля 1970 г., посвященном 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, сказано: «Значение воспитательной работы в массах особенно велико сейчас, когда между социализмом и капитализмом идет острая идеологическая борьба. „Мы должны, — писал В. И. Ленин, — неустанно бороться против всякой буржуазной идеологии, в какие бы модные и блестящие мундиры она ни рядилась“».

Масштабы и сложность стоящих перед нашей страной задач еще выше поднимают роль ленинской партии. Вооруженная вернейшим компасом нашего движения — марксистско-ленинской теорией, богатейшим политическим опытом, партия придает всей колоссальной, многообразной работе по строительству коммунизма планомерно-целеустремленный характер. Коммунистическая партия Советского Союза — воплощение верности ленинизму, воплощение его творческого развития.

Бессмертные идеи и дела Ленина, великий подвиг его жизни служат для советских людей, для трудящихся всего мира неисчерпаемым источником вдохновения и оптимизма.

Светлый гений Ленина озаряет дорогу революционной борьбы и творческого созидания.

Имя и дело Ленина будут жить вечно!